

К

36

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на

К

36

1816^й ГОДЪ.

КНИЖКА ДВѢНАТЦАТАЯ.

Мѣсяцъ Декабрь.

Планъ сего Журнала на 1817-й годъ.

I. Ученыя Статьи.

Въ семъ отдѣленіи помѣщаются будущъ спашьи собственно до наукъ и искусствъ касающіяся: разсужденія, рѣчи, историческіе опрывки и п. ш.

II. Изящная Словесность.

а) Проза: Лучшіе опрывки въ подлинникахъ и переводѣ.

б) Стихотворенія: Посланія, пѣсни, оды, и другіе роды стиховъ.

III. Харьковскія Записки.

Спашьи касательно Университета, Ученаго, Филотехническаго, Благотворительнаго и Библейскаго Общества; замѣчанія о театрѣ и пр.

IV. Слѣсъ.

Сюда будущъ относитья также извѣстія о выходящихъ въ Харьковѣ книгахъ, краткія рецензіи, извѣстія о несчастныхъ и разныя увѣдомленія.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МѢСЯЦЪ ДЕКАБРЬ.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Письмо къ Графу А. А. А., относительно одного Россійскаго историческаго Анекдота.

С. Г.,

М. Г.!

Не въ Петербургъ, но въ Грузино адресую я письмо сіе; и притомъ предполагаю, что оно дойдетъ въ руки Вашего Сіяшества около дня храма села Грузина — Святаго Апостола Андрея. Слѣдовательно . . . простите меня, Сіяшелейшій Графъ, — поклонъ мой принадлежитъ не вамъ, а созданной и украшенной вами церквѣ! Таково его и значеніе; таково будетъ и содержаніе письма.

Я располагаю изслѣдовать извѣстіе, касательно села вашего, которое

помѣщено въ Ядрѣ Россійской Исторіи
 Князя Хилкова, — извѣстіе *великой важности*
 дающее сему селу преимущество
 историческое предъ всѣми селами и го-
 родами Россійской Имперіи, за исключе-
 ніемъ только одного Кіева. Вотъ какъ
 оно гласитъ: „А что вѣрѣ православной
 „въ Россіи возсіяшъ въ послѣднія време-
 „на было, тому начатокъ и проповѣданіе
 „былъ Святый Апостоль Андрей Перво-
 „званный, который въ короткомъ времени
 „по вознесеніи Христовѣ изъ Палестины
 „черезъ меньшую Азію и черезъ Черное мо-
 „ре къ устью Днѣпра рѣки приплыль, а
 „оттуда на то мѣсто, гдѣ нынѣ Кіевъ,
 „пришедъ, на горахъ Кіевскихъ крестъ
 „поставилъ, проповѣдуя тамъ впредъ бытъ
 „благочестію. Отъ Кіева потомъ Русь
 „всю прошедши, и пришедъ въ великой
 „Новгородъ, жезлъ свой на *Грузинѣ*, шест-
 „десять верстъ отъ Новгорода въ низъ
 „по Волховѣ рѣкѣ водрузилъ, знаменуя
 „также въ Руси бытъ впредъ благоче-
 „стію, а оттуда на рѣкѣ Волховѣ всѣд-
 „ши въ судно, Варяжскимъ моремъ сквозь
 „Сундъ (*Зундъ*) на Океанъ выпливъ, и Оке-

„аномъ Британническимъ неситись въ Ско-
„цїю (Шотландїю) пригналь, гдѣ и нынѣ
„отъ его имени славная Академія Святаго
„Андрея называется, а отшуда ворошив-
„шись въ Греческія стороны, въ Ахайи за
„Христову проповѣдь замучень.,,

(Ядра Рос. Исторїи Князя Хилкова,
Московского изданїя 1784 года, страни-
ца 62-я).

Теперь прежде всего представляет-
ся вопросъ: на чемъ Князь Хилковъ осно-
валъ сіе мѣсто своего сочиненія? Въ Не-
сторѣ,—древнѣйшемъ и по общему призна-
нію правдивѣйшемъ нашемъ Лѣтописцѣ—не
находится таковыхъ подробностей о пу-
тешествїи Св. Андрея. Но уже и Несторъ
жилъ тысячу лѣтъ спустя: слѣдователь-
но и его показаніе также требовало бы
предшествовавшихъ свидѣтельствъ. Онъ
говоритъ только (и сіе, на основаніи
древнѣйшихъ церковныхъ Историковъ, не
подверженнымъ быть кажется сомнѣнію)
о бытности Апостола въ Словенахъ: „и
„пойде по Днѣпру горѣ, и прїйде въ Сло-
„вены, идѣ же нынѣ Новгородъ. . . И иде въ
„Варязи, и прїйде въ Римъ,, и пр.

По случаю разговора о семъ любопытства достойномъ обстоятельстве съ нашимъ Слободско-Украинскимъ Губернаторомъ Г-мъ Мурашовымъ еще въ прошедшемъ году,—я прошелъ всю мою библиотеку, которая довольно богата историческими книгами и рукописями а особливо относятельными до Россіи; искалъ въ Греческихъ писателяхъ, сохранившихъ извѣстіе о жизни и проповѣди Апостоловъ (*), также въ Минеи четьи: ни въ нихъ, ниже въ Новгородскомъ Лѣтописцѣ, которой напечатанъ съ оригинала Софійскаго въ 1781 году, не нашелъ я ничего подобнаго. Но въ Степенной книгѣ сочиненной, какъ извѣстно, Св. Митрополитомъ Россійскимъ Кипріаномъ и дополненной Митрополитомъ же Макаріемъ, вотъ статья о селѣ Грузинѣ, которая принадлежитъ всеконечно первому изъ сихъ святителей и которая слѣдовательно писана не позже конца четырнадцатаго вѣка (ибо Св. Кипріанъ преставился въ 1406 году):

(*) Евсевій, Оригенъ, Григорій Назіанзинъ.

„... Бывшу ему (ш. е. Святому Апо-
 „стола Андрею) на рѣцѣ на Днѣпрѣ, и
 „шамо на горахъ помолися и крестъ по-
 „спави и благослови, и пророчествова
 „на томъ мѣстѣ бышѣе Кіеву граду, а
 „всей Русѣй землѣ святое крещеніе;
 „отшолъ же пришедъ, идѣже нынѣ вели-
 „кій Новѣградъ стоить, и шамо жезлъ
 „свой водрузи, въ веси нарицаемой Дру-
 „зино (на полѣ поправка *Грузино*) идѣже
 „нынѣ естъ церковь во имя Святаго Апо-
 „стола Андрея Первозваннаго... (*).

Апостоль проповѣдываль (по Тилле-
 монту, съ поправкою Кн. Щербатова) въ
 35 году отъ Рождества Христова, а
 Кипріанъ писалъ въ концѣ XIV вѣка.
 Церковь, о которой онъ упоминаетъ какъ
 о памятникѣ посѣщенія Апостольскаго,
 могла быть въ его уже время древняя
 то есть изъ первѣйшихъ Новгородскихъ
 построеній послѣ крещенія, бывшаго отъ
 Владимира въ 989 году; а можетъ быть
 и еще старѣе, какъ изъ разныхъ обстоя-

(*) Книга степенная, изданія 1775 года томъ I,
 стр. 7.

тельствъ правленія Ольги можно полагать. Что Христіанство отъ временъ сей Государыни продолжалось *непрерывно* въ Новгородскихъ предѣлахъ — это видно изъ мученической смерти Варяга и сына его, которая описана Несторомъ съ означеніемъ 6491 или 983 года. Такимъ образомъ оказывается: что памятникъ и преданіе, на коихъ утверждался Кипріянь въ своемъ повѣствованіи, еще старѣе Нестора самого и ближе къ временамъ Апостольскимъ; слѣдовательно сіе повѣствованіе не менѣе лѣтописи Несторовой заслуживаетъ вѣроятіе наше — *лѣтописи, которая въ томъ, что принадлежитъ до предшедшихъ писателю временъ, также основана на преданіяхъ.* (Записи, кои можешь быть дошли до рукъ Нестора и Кипріяна, я включаю здѣсь равномѣрно въ число *преданій*). Теперь слѣдуетъ только разсмотрѣть сообразно съ правилами исторической критики: заслуживаетъ ли довѣренность показаніе Кипріяново? Нѣтъ ли чего въ опроверженіе онаго — судя по личнымъ качествамъ сего Митрополита, или по пристрастію ка-

ковое онъ имѣть могъ — именно къ сему упомянутому имъ мѣсту?

Я ничего такого не вижу. О личныхъ качествахъ сего мужа (не зависимо отъ причненія его къ лику Свяшыхъ, дабы не подать повода къ возраженіямъ и самыхъ иностранцевъ) продолжателъ сшепенной книги свидѣтельствуешь слѣдующими словами: „всякаго благаго любомудрїя и божественнаго разума исполненъ, и вельми книженъ и духовенъ зѣло, и добродѣтельнымъ житїемъ подвизаяся, ученїемъ своимъ богодухновеннымъ и благо-разумнымъ наказанїемъ наслажаше всѣхъ. Великъ бо подвигъ имѣя и много ищанїе, еже не престанно училии люди Божїа истинному разуму и страху Божїю, праздныхъ же вѣщаній и суетныхъ глголь естъ и возбраняюще...“ Далѣе говоритъ Св. Макарій о сочиненїяхъ Преосвященнаго Кипріана и о многихъ его переводахъ книгъ съ Еллиногреческаго языка; но я обращаю только вниманїе Вашего Сїятельства на подчеркнутыя мною выраженія. Могъ ли шомъ, кто другимъ возбранялъ праздна вѣщанія и суетныя

глаголы самъ подаетъ примѣръ въ оныхъ — написавши въ книгѣ, которую онъ готовилъ для потомства, свое собственное изобрѣшеніе или пускую народную сказку — не взявъ труда оную изслѣдовать?.. Столько же мало нахожу я, что возразить и съ той стороны: не имѣлъ ли Св. Кипріанъ какого пристрастія къ селу Грузину? Онъ былъ Кіевскій Митрополишъ, въ Кіевѣ жителствовалъ первоначально, потомъ перудился въ селѣ своемъ Голенищевѣ подлѣ Москвы — гдѣ и жизнь кончилъ. Родомъ былъ Сербъ. Посѣщаль онъ Новгородъ и окрестности его только *единожды* въ 1393 году, — пребывъ тамъ всю зиму, весну и до Петрова поста, — по поводу возмущенія Новгородцовъ, которое имъ усмирено. Были примѣры Историческихъ выдумокъ въ пользу своего отечества, мѣста рожденія, или по крайнѣй мѣрѣ приятнаго и предпочтительнаго жительства. Но здѣсь, скажите, какой поводъ изобрѣшашъ — брать грѣхъ на душу человѣку почтенному, въ старости, на двадцать пятомъ году важнаго своего званія? (Онъ былъ Россійскимъ Митрополишомъ

35 лѣтъ). Изъ сего я заключаю: что Св. Кипріанъ, — бывъ, какъ выше сказано, въ 1393 году въ селѣ Грузинѣ, — на мѣстѣ по преданіямъ ли, запискамъ ли или надписямъ, кои нынѣ уже не существуютъ, получилъ совершенно достаточное для него удостовѣреніе въ Историческомъ Анекдотѣ которой имъ помѣщенъ въ Степенной книгѣ его. Не говорю, чтобъ оный былъ для насъ въ нынѣшнее время столько же достовѣренъ, какъ на примѣръ событія при Петрѣ Великомъ и при Екатеринѣ Второй: историческая истина вообще не бываетъ — математическою. Довольно что онъ весьма вѣроятенъ, что онъ не прошивурѣчился ни разуму, ни Исторіи — которая обще признана таковою; что его нельзя переходить молчаніемъ или отвергать яко очевидное изобрѣтеніе.

Путешествіе Святаго Апостола Андрея чрезъ Россію изъ конца въ конецъ и потомъ бытность его въ Шотландіи, вопреки легкомысленныхъ усмѣшекъ кощунствъ надъ Религіею, имѣетъ въ моихъ очахъ много правдоподобнаго. 1-е. По свидѣтельству Птоломея, знаменитаго Гео-

графа, писавшаго во второмъ вѣкѣ послѣ Р. Х. Россія была уже населена по всему пути предполагаемому Несторомъ и Ки-пріаномъ для Апостола. Птоломей показы-ваетъ даже направленіе Волхова „назы-вая сію рѣку *Chersinus* (L'ancienne géographie comparée à la moderne, p. Joly) Показанный имъ на самомъ мѣстѣ нынѣшняго Кіева го-родъ *Азагоріумъ* основанъ по мнѣнію почтеннѣйшаго Историка Сарматъ и Сла-вянъ,— Митрополита Сестренцевича еще въ I вѣкѣ по Р. Х. Тогда же прибыли Славяне и на Волховъ. (*Recherches histori-ques sur l'origine des Sarmates des Esclavons et des Slaves. St-Petersb. 1812*). 2-е. Судоход-ство и сообщенія посредствомъ рѣкъ были извѣстны всѣмъ народамъ, и въ древнѣйшія времена 3-е. Предпріятія Свя-тыхъ мужей для обращенія во Христа разные отдаленные племена и языки, не-взирая на всю трудность оныхъ для обыкновеннаго путешественника, совер-шались во всѣ вѣки. Не одно изъ нихъ, и во времена довольно близкія къ намъ, сколько же удивительно — какъ путеше-ствіе Апостола Андрея. Оставляя Мис-

сїонаріевъ другихъ земель, пожертвовавшихъ собою Богу въ пущахъ многотрудныхъ и едва имовѣрныхъ — прошедшихъ многія тысячи верстъ съ однимъ жезломъ для пособія ослабляющимъ и притертымъ по каменью ихъ ногамъ — прошедшихъ сквозь незнаемые и дикіе народы и возвратившихся цѣлыми, я приведу здѣсь только одного Россіянина мало еще извѣстнаго въ примѣръ. Это основатель города Колы — Іеродіаконъ Θεодоритъ, котораго подвиги описываетъ Князь Курбскій въ книгѣ о дѣянїяхъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, въ главѣ 21-й. Сей самовольный страдалецъ ходилъ три раза пѣшкомъ для проповѣданія слова Божія, послѣдніе два бывши уже Архимандритомъ и въ глубокой старости. • *Между тѣмъ* въ той же старости по данному ему Царемъ порученію былъ въ Константинополь! Уповаю, — что взявъ въ разсужденіе дальность путей (*) дикость мѣстъ и народовъ, суровость климата, — стран-

(*) Кола отъ Москвы стоитъ нынѣшнимъ уже крашчайшимъ путемъ 2277 верстъ.

ствованіе Θεодорита не уступаетъ Апостольскому — которое не знаю почему бы почестъ невѣроятнымъ! Въ немъ ничего даже и такого нѣтъ, что бы превышало обыкновенныя человѣческія силы — или бы выходило изъ порядка вещей, каковымъ мы въ нашъ вѣкъ привыкли его видѣть.

4-е. Новгородцы и Свяшитель Кипріанъ конечно не сносились съ Шотландскими старинными бытописателями; отъ чего же они согласны между собою въ главнѣйшихъ обстоятельствахъ проповѣди и пути Свяаго Андрея? Какъ у насъ ознаменованы Кіевъ и Грузино, такъ у нихъ пристань, гдѣ онъ вышелъ: слѣдуя ихъ повѣствованіямъ, *прибывъ Германскими Океаномъ*, вступилъ въ оную — и пристань названа именемъ *Св. Андрея*, нынѣ главный городъ Фейфскаго Графства (Fife - Shire); онъ имѣетъ весьма древнюю Церковь посвященную Апостолу, — которая теперь, равно какъ и городъ, представляетъ только слѣды прежняго величія. Но Географы увѣряють, что она есть памятникъ единственный въ своемъ родѣ — и обширностію превосходить даже Римской соборъ Свяшыхъ

Петра и Павла. Подобные памятники не безъ основанія воздвигались въ прежнія времена! Они свидѣтельствуютъ по крайней мѣрѣ о совершенной увѣренности жителей въ истиннѣ событій. Въ упомянутомъ городѣ имѣлъ нѣкогда пребываніе Архіепископъ. А въ Сандвикѣ, мѣстечкѣ сему Архіепископу подвѣдомомъ, существуетъ по нынѣ другой памятникъ: именно предревній и отлочно красивый обелискъ, на одной сторонѣ котораго изсѣчено изображеніе Святаго Апостола простертаго на крестѣ. Сіе зданіе принадлежитъ по мнѣнію Антикваріевъ къ первымъ вѣкамъ Христіанства въ Шотландіи, которая приняла крещеніе въ 201-мъ году. Слѣдовательно тогда посѣщеніе Апостола могло быть еще въ свѣжей памяти. (*Géographie math. phys. et polit. de toutes les parties du monde* p. Mentelle et Malte-brun, Tome III).

Народныя преданія имѣютъ свою достовѣрность, Милостивый Государь! А тѣмъ менѣе можно отвергать повѣствованія лѣтописателей,—если они, какъ сіе,

не противурѣчатъ ни здравому разсудку, ниже равнаго уваженія достойнымъ Историкамъ. Конечно — *самая большая часть* произшествій древней Исторіи, — которыя какъ чистѣйшая и неоспоримая истинна преподаются въ училищахъ, не болѣе сего нашего Анекдота достовѣрны. Въ XVIII вѣкѣ сдѣлалось — было обычаемъ почитать баснями все то, что не внесено въ *Енциклопедію*. Можно надѣяться, что нынѣ *основательнѣйшее* просвѣщеніе будетъ осторожнѣе. Долго издѣвались и надъ Бытописателемъ Мойсеемъ, который въ своемъ Міросотвореніи погрѣшилъ-де *очевидно*, положивши созданіе солнца *въ четвертый* день, а свѣта отъ солнца-де производящаго еще въ *первый*. Но къ удивленію Енциклопедистовъ дальнѣйшіе успѣхи въ Физикѣ обнаружили, что Мойсей могъ быть не неправъ: ибо свѣтъ есть *особенная* стихія разлитая по всей вселенной, которую солнце токмо приводитъ въ вращеніе.

За симъ усерднымъ поклономъ моимъ Святому Апостолу, Первозванному, Всероссийскому и *Грузинскому*, — пріймите

и Вы, Графъ! увѣреніе въ глубокомъ почи-
таніи и душевной преданности

Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшаго слуги

В. К.

12 Ноября, 1816 года.

Село Кручикъ.

О бѣ Исторіи.

(Окончаніе.)

II. Польза Исторіи.

Польза Исторіи состоитъ въ томъ
сравненіи, — какое человѣкъ Государствен-
ный, какое простой гражданинъ сдѣлать
могутъ законамъ и нравамъ чужестран-
нымъ съ законами и нравами своего оте-
чества. Сіе сравненіе побуждаетъ новѣй-
шіе народы къ тому, — что бы превзой-
ти другъ друга въ художествахъ, тор-
говлѣ и земледѣліи. Важныя ошибки про-
шедшихъ времянь служатъ къ великой

пользѣ настоящихъ поколѣній во всякомъ родѣ. По чему надлежитъ имѣть всегда предъ глазами злодѣянія и несчастія, произшедшія отъ глупыхъ несогласій. И мы уже знаемъ, что частое воспоминаніе несогласій удерживаетъ отъ возобновленія оныхъ.

Читая подробности Креййскаго, Пуашьерскаго, Азинкурскаго, Сентъ-Кентинскаго, Гравелинскаго и прочихъ сраженій, — славный Маршалъ Морицъ де Саксъ рѣшился всевозможно выискивать и употреблять то, — что называлъ онъ сраженіями при лѣстахъ, укрѣпленныхъ естественнымъ своимъ положеніемъ.

Примѣры всегда производятъ великое дѣйствіе надъ умомъ такой владѣющей особы, которая читаетъ со вниманіемъ Исторію. Таковая особа усматриваетъ: что Генрихъ IV не иначе намѣревался предпринять великую войну, долженствовавшую преобразить систему Европы, какъ шолько послѣ совершеннаго познанія настоящей силы войны, — дабы быть въ состояніи продолжать оную нѣсколько лѣтъ безъ всякихъ денежныхъ

пособій посредствомъ новыхъ налоговъ и другихъ оборотовъ. Таковая владѣющая особа изъ чтенія своего усмотритъ: что Королева Елисавета единственно только пособиями, отъ торговли и благо-разумной бережливости происходящими противустояла могуществу Филиппа II; и что изъ ста кораблей, ея въ море противъ непобѣдимаго Гишпанскаго флота отправленныхъ, цѣлыя три четверти выставлены были торговыми Англійскими городами.

Франція, ничѣмъ неумаленная во время Лудовика XIV, послѣ десятилѣтней и несчастнѣйшей войны очевидно доказываетъ пользу пограничныхъ крѣпостей Лудовикомъ построенныхъ. Сочинитель *О причинахъ паденія Римской Имперіи* напрасно осуждаетъ Юстиніана въ томъ, что онъ имѣлъ одинакую съ Лудовикомъ XIV политику. Вмѣсто сего надлежало бы ему оуждать тѣхъ Императоровъ, которые симъ самимъ открыли варварамъ входъ въ свою Имперію.

Наконецъ великая польза *Исторіи* новѣйшей и превосходство, которое она

имѣетъ предъ древнею, состоить въ слѣдующемъ: она научаетъ всѣхъ владѣтелей, что отъ XV вѣка уже вообще всегда соединялись многія Государства прошивъ одного Государства — слишкомъ могущественнаго. *Сія система равновѣсія* во всѣ времена была извѣстна древнимъ народамъ и есть причина успѣховъ Римлянъ, — которые, составивъ воинство превосходнѣе ополченія всѣхъ прочихъ народовъ, покорили оныя одинъ послѣ другаго отъ береговъ Тибра до Эвфрата.

III. *Достоверность Исторіи.*

Всякая достоверность, когда она не математическое доказательство, есть только чрезвычайная *вѣроятность*; и въ *Исторіи* нѣтъ другой достоверности.

Когда Маркъ-Поль первый и одинъ только говорилъ о пространствѣ и народонаселеніи Китая, то ему не вѣрили; да и онъ не могъ того требовать. Португальцы, проникнушіе въ сіе пространное Государство нѣсколько вѣковъ послѣ того, начали подшверждать ска-

занное Маркомъ - Полемъ. И это сдѣ-
лалось нынѣ вѣроятнѣйшимъ посред-
ствомъ удостовѣренія, происходяща-
го отъ единообразнаго показанія тыся-
сячи очевидныхъ свидѣтелей разныхъ на-
родовъ, — противъ справедливости кото-
рыхъ ни кто не сдѣлалъ ни какого возра-
женія.

Естьли бы только два или три Исто-
рика говорили о приключеніи Короля
Карла XII, — который, упорствуя оставъся
во владѣніяхъ Султана благодѣтеля сво-
его съ одними только служителями сво-
ими, сражался противъ цѣлой арміи Яны-
чаръ и Ташаръ, — тогда бы я не сказала
сужденія моего; но разговаривая о томъ
со многими очевидными свидѣтелями и
никогда не слышавъ отъ нихъ ничего та-
кого, что бы опровергало произшествіе
сіе — я необходимо долженъ былъ тому
вѣрить; потому что, хотя произше-
ствіе сіе само по себѣ есть необдуманно
инеобычайно, — однакожь оно не противъ-
но ни законамъ естества, ни характеру
сего Героя.

Исторія человѣка съ желѣзною маскою представлялась бы романомъ уму моему, — когда бы я не слышалъ оной отъ родственника того врача, который имѣлъ попеченіе о человѣкѣ семь во время послѣдней его болѣзни. И поелику чиновникъ, приспавленный къ стражѣ его, удостоивѣрилъ меня въ истинѣ происшествія сего; поелику всѣ тѣ, которые должны были знать о томъ, поже самое мнѣ подтвердили — и поелику потомки Государственныхъ Министровъ, хранители тайны сей еще въ живыхъ находящіеся, въ томъ же самомъ удостовѣрены; — то и даю я сей *Исторіи* большую степень вѣроятности: однако же степень вѣроятности меньшій, нежели произшествію при Бендерахъ, — потому что произшествіе Бендерское имѣло болѣе свидѣтелей, нежели похождение человѣка съ желѣзною маскою.

IV. Недостовѣрность *Исторіи*.

Время баснословное различествуетъ отъ времени историческаго. Но и времена Историческія должны бы сами по се-

бѣ еще бытъ раздѣляемы на истинныя и баснословныя. Я не говорю здѣсь о басняхъ, нѣмѣ таковыми признанныхъ; не говорю, на примѣръ, о чудесахъ, — которыми Титъ-Ливій украсилъ или обезобразилъ свою *Исторію*. И въ происшествіяхъ, вообще за достовѣрныя принятыхъ, сколько еще сомнительнаго? Надобно припомнить, что Римская Республика цѣлые пять сотъ лѣтъ неимѣла историковъ и что самъ Титъ-Ливій жалѣеть объ утратѣ лѣтописей жрецовъ и другихъ памятниковъ, — которые почти всѣ погибли во время созженія Рима. (*pleraque interiére*). Пусть приведуть себѣ на мысль и то, что въ первыя прѣста лѣтъ искусство писать было еще весьма рѣдко (*gatae per eadem tempora litterae*); и тогда уже можно позволить себѣ сомнѣваться во всѣхъ происшествіяхъ, которые находятся не въ обыкновенномъ порядкѣ человѣческихъ дѣлъ. Послѣ сего будетъ ли вѣроятно то, что Ромуль — внукъ Царя Сабинскаго — принужденъ былъ похищать Сабинянокъ, что бы доставить женъ своему народу? *Исторія* о Лукреціи будетъ ли тогда

вѣроятною? Легко ли повѣрять тогда свидѣтельству Тита-Ливія въ томъ, — что Царь Порсена, исполненный удивленія къ Римлянамъ, убѣжалъ отъ того только: что опасался быть умерщвленнымъ отъ одного изступленника, каковъ былъ Сцевола? Въ такомъ случаѣ не согласимся ли скорѣе повѣрить Полибѣю, за 200 лѣтъ прежде Тита-Ливія писавшему, который говоритъ что Порсена покорилъ Римлянъ? Приключеніе Регула, Карфагенянами заключеннаго въ бочкѣ, съ желѣзными гвоздями внутри — сіе приключеніе заслуживаетъ ли вѣроятіе? Полибій, тогдашній современникъ, не упомянулъ ли бы о немъ, — если бы такъ было въ самомъ дѣлѣ? Но онъ не сказалъ о томъ ни слова. Не должны ли мы догадываться, что сказка сія выдумана уже спустя долгое время послѣ того и въ томъ только намѣреніи, — чтобы Карфагенянъ представить ненавистными. Разверните словарь *Морери* при словѣ *Регулъ* — и увидите, что казнь сего Римлянина повѣствуема была Титомъ-Ливіемъ. Но та Декада (*), въ

(*) Декада — происходитъ отъ Латинскаго слова *Decas*, которое само произошло отъ Грече-

которой бы Титу-Ливію говорить о семъ, потеряна; и мы имѣемъ только дополненіе *Фрейнзегелюса* и находимъ: что словарь сей ссылается на одного Германца XVIII вѣка, — думая, что онъ ссылается на какой нибудь Римской романъ Августова вѣка. Можно бы написать цѣлые томы о всѣхъ славныхъ и принятыхъ произшествіяхъ, которыя при всемъ томъ сомнительны; но предѣлы статьи сей не позволяютъ распространяться.

V. Могутъ ли быть историческили доказательствали: храмы, праздники, годовыя торжества и самыя медали?

Естественно вѣрить тому, — что памятникъ, воздвигнутый какимъ нибудь народомъ для прославленія какого-либо произшествія, — уже свидѣтельствуешь о до-

скаго, тоже означающаго. Слово декада употребляется нынѣ только для означенія десятковъ книгъ, на которые раздѣлена Римская Исторія Тита - Ливія. Изъ четырнадцати декадъ, составлявшихъ сію Исторію, осталось намъ только при съ половиною; прочіе утрачены. Пер.

спорѣнности онаго. При всемъ томъ, ежели таковыя памятники воздвигнуты въ прославленіе какихъ-либо мало-вѣроятныхъ происшествій: могутъ ли они въ такомъ случаѣ что другое доказывать, какъ не одно намѣреніе — освятить народное имѣніе?

Роспральная колона, въ Римѣ воздвигнутая современниками Дуилія, есть безъ сомнѣнія доказательство морской его побѣды. Но статуя Авгура (гадателя) Невія, разсѣкшаго бризвою камень, — доказываетъ ли то, что Невій въ самомъ дѣлѣ произвелъ такое чудо? Въ Аѳинахъ статуи *Цереры* и *Триптолема* могли ли быть неопровергаемыми свидѣтельствами того, что Церера сошла на землю съ какой-то планеты и научила Аѳинянъ земледѣлю? Славная статуя Лаокоона, еще до нынѣ во всей цѣлости существующая, подтверждаетъ ли дѣйствительность исторіи Троянскаго коня? —

Различныя торжества, годовичныя праздники для всего народа установленныя — не болѣе того подтверждаютъ то начало, къ которому ихъ относятъ. Праздникъ *Арїона*, перенесеннаго дельфиномъ

отправлялся у Римлянъ равно какъ и у Грековъ. Праздникъ *Фауновъ* напоминалъ его приключеніе съ *Геркулесомъ* и *Омфалою*, когда сей Богъ влюбленный въ Омфалу почелъ ложе Геркулесово за ложе своей возлюбленной.

Славное торжество Луперкалій учреждено было въ честь волчицы, вскормившей *Ромула* и *Рема*.

На чемъ основано было празднество Орїона, отправлявшееся въ 5-е идовъ (*) Мая мѣсяца? Причина тому: *Гирей* угощалъ Юпитера, Нептуна и Меркурія; а когда посѣщители прощались съ нимъ,—тогда сей простодушный человѣкъ, неимѣвшій жены и желая дѣтей, изъяснилъ богамъ печаль свою. Нельзя сказать того, что сдѣлали они надъ кожею быка копорымъ Гирей пощивалъ ихъ; потомъ они накрыли кожу сїю небольшимъ количе-

(*) Иды приходились въ 13-й день каждаго мѣсяца, кромѣ Марта, Мая, Іюля, и Октябрия,—въ копорые были 15 число; поелику сїи чешыре мѣсяц имѣли 63 дней прежде нововъ, прочіе же мѣсяцы имѣли только по чешыре дня. Прим. Перевъ

ствомъ земли и изъ сего-то черезъ девять мѣсяцовъ — родился *Орѣонъ*.

Почти всѣ праздники Римскіе, Сирійскіе, Греческіе, Египетскіе основывались на подобныхъ сей басняхъ; такъ какъ и статуи, и храмы древнихъ Героевъ. Вотъ намятники отъ легковѣрія воздвигнутые заблужденію!

И самая медаль, даже современная произшествію, иногда не можетъ служить доказательствомъ. Сколько изъ одного ласкательства было медалей на случай сраженій весьма нерѣшительныхъ, но принятыхъ за побѣды; на случай предприятій безуспѣшныхъ и существовавшихъ только въ надписяхъ медалей? Наконецъ во время войны 1740 года между Англичанами и Гишпанцами не было ли выбито медали, — которая удостовѣряла о взятіи Карфагены Адмираломъ Вернономъ тогда, какъ сей самый Адмиралъ снималъ съ нея осаду?

Медали тогда только могутъ подавать неоспоримое свидѣтельство, когда самое произшествіе подтверждается современными писателями. Въ такомъ случаѣ

доказательства сїи, одно другимъ подтвер-
ждаемая, удостовѣряють въ самой ис-
тинѣ.

VI. Должно ли включать въ *Исторію*
рѣчи и дѣлать описаніе лицъ?

Когда въ случаѣ важномъ предводи-
тель арміи, либо человекъ государствен-
ной изыскался сильнымъ и отличнымъ
образомъ — означающимъ какъ собственный
его Геній, такъ и Геній его времени; то-
гда, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ по-
мѣстить рѣчь его отъ слова до слова.
Таковыя рѣчи, можетъ стать, суть на-
иполезнѣйшая часть *Исторіи*. Но къ чему
влагать въ уста человеку то, чего онъ
никогда не говорилъ? Поступая такимъ
образомъ — будетъ равно какъ бы припи-
сывать ему то, чего онъ никогда не дѣ-
лалъ: это выдумка въ подражаніе Гомеру, —
но выдумка въ поэмѣ есть, по всей спра-
ведливости, ложь въ *исторіи*. Многіе
изъ древнихъ имѣли таковой способъ
писанья; однако жъ сїе не иное что дока-
зываетъ, какъ только желаніе ихъ похва-

лится краснорѣчіемъ своимъ на счетъ самой истинны.

Описанія лицъ часто показываютъ въ сочинителѣ болѣе желаніе блистать, нежели научать. Современники въ правѣ дѣлать описанія Государственныхъ людей, съ которыми имѣли они сношеніе и тѣхъ вождей, подъ начальствомъ коихъ воевали; но и тутъ сколько должно опасаться того, чтобы описывающая кисть не была водима страстію! Кажется описанія лицъ, — кошорыя мы находимъ въ *Кларендонѣ*, написаны съ большимъ безпристрастіемъ, съ большею важностію и благоразуміемъ, — нежели тѣ, кошорыя съ удовольствіемъ читаемъ въ сочиненіяхъ Кардинала *Рецца*.

Но хотѣшь описывать древнихъ, усиливаться раскрыть ихъ души, смотрѣть на произшествія какъ на знаки, посредствомъ коихъ можно свободно читать во глубинѣ сердець, — вотъ предпріятіе весьма трудное; а во многихъ ни что иное, какъ ребячество.

VII. О прасилѣ Цицерона, относительно исторій: Историкъ не долженъ осмѣливаться ни говорить лжи, ни упускать истинны.

Первая часть сего правила неоспорима; надобно изслѣдовать вторую. Если какая нибудь истинна можетъ быть сколько нибудь полезна для Государства; то умолчать о ней было бы предосудительно. Но я предполагаю, что вы пишете *Исторію* Государя,—который ввѣрилъ вамъ какую нибудь тайну: должны ли вы ее открывать? Должны ли вы сказать потомству то, что было бы преступно сказать за тайну и одному только человѣку. Не ужели обязанность Историка должна имѣть перевѣсъ надъ обязанностію гораздо важнѣйшею?

Положимъ еще,—что вы были свидѣтелями такой слабости, которая не имѣла влѣянія на дѣла общественныя; должны ли вы обнаружить сію слабость?—Въ такомъ случаѣ *Исторія* превратилась бы въ сапиру.

Должно признаться,—что большая часть сочинителей анекдотовъ болѣе не скро-

мны, нежели полезны. Но что сказать о тѣхъ дерзкихъ сплетателяхъ произшествій,—которые злословіе поставляя себѣ достоинствомъ печатають и продають всякія безстыдства и соблазны, подобно Локустѣ (*) продававшей разныя отравы?

VIII. *Объ Исторіи Сатирической.*

Ежели Плутархъ укорялъ Геродота въ томъ, что онъ не довольно возвысилъ славу нѣкоторыхъ городовъ Греціи и опустилъ многія достопамятныя произшества; то сколь предсудительны должны быть нынѣ тѣ,—кои не имѣя ни одного изъ достоинствъ Геродота, при-

-
- (*) Локуста, женщина прославившаяся составленіемъ ядовъ. Она жила при дворѣ Нерона въ 60-году по Р. Х. Сей зѣбронравный Императоръ употреблялъ Локусту на погибель людей, подпавшихъ ненависти и мщенію его. По словамъ Светонія, Неронъ заставлялъ ее составлять отравы въ собственномъ дворцѣ своемъ — и за услуги ему оказанныя не только простилъ ей всѣ пресупленія, но сверхъ того наградилъ ее великимъ богатствомъ и далъ ей воспитанниковъ для наученія своему искусству. П.

писываютъ владѣтелямъ и народамъ ненавистныя дѣянiя, не имѣя на то ни малѣйшаго доказательства! Война, бывшая въ 1741 годѣ, описана въ Англіи. Въ Исторіи войны сей находимъ мы: что въ сраженіи при Фонтенуа Французы стрѣляли по Англичанамъ съ отравою пушготовленными пулями и ядовитыми кусками стекла; и что Герцогъ Кумберландскій прислалъ Королю Французскому цѣлый салогъ, наполненный таковыми ядами — найденными въ тѣлахъ раненыхъ Англичанъ. Тотъ же самый писатель присовокупляетъ, — что когда Французы поперяли въ семь сраженіи сорокъ тысячъ человекъ; то Парижскій Парламентъ издалъ опредѣленіе, — которымъ, подѣ опасеніемъ тѣлеснаго наказанiя, запрещалось говорить о томъ.

Обманчивыя записки, подѣ именемъ Гжи Меншенонъ напечатанныя, наполнены подобными нелѣпостями. Въ нихъ находимъ мы, что при осадѣ Лилля союзники бросали въ городъ записки слѣдующаго содержанiя: Французы! утѣштесь, Меншенонъ не будетъ вашего Королевою!

Въ нихъ почти каждая страница наполнена ложью и оскорбительными выраженіями противъ Королевской фамиліи и противъ важнѣйшихъ фамилій въ Государствѣ; и все сіе не имѣетъ ни малѣйшаго вида вѣроятности, которая бы сколько нибудь могла прикрыть таковую ложь. Такъ пишется не *Исторія*, но только клевета, — достойная безчестнаго сполба. (*)

Въ Голландіи, подъ именемъ *Исторіи*, напечатано множество такихъ ругательствъ, — которыхъ слогъ столько же грубъ, какъ и самая брань въ нихъ заключающаяся; и содержаніе коихъ столько же ложно, сколько худо оно изложено. Вотъ, какъ говорится, худой плодъ прекраснаго древа вольности. Но когда жалкіе сочинители таковыхъ глупостей имѣли свободу обманывать читателей; то и должно употребить ту же самую свобо-

(*) Какъ люди, почитаемые даже просвѣщеннѣйшими, противобъчаютъ часто сами себѣ, — когда просвѣщеніе ихъ или безбожно, или безнравственно! Какъ они осуждаютъ себя и опредѣляютъ себѣ наказаніе сами! Я припоминаю здѣсь *Исторію Петра I-го* писанную сочинителемъ сей епатащ. Изд. ф — йй.

ду на то, чтобы читателей ихъ вывелъ изъ заблужденія.

IX. О способѣ и образѣ писать исторію
и о слогѣ ея.

Такъ много говорено о семъ предметѣ, что здѣсь о немъ надобно сказать какъ можно менѣе. Довольно уже извѣстно,—что способъ и слогъ *Тита-Ливія*, важность его и мудрое краснорѣчіе соотвѣтственны величію Римской республики; что *Тацитъ* болѣе способенъ описывать пирановъ, а *Полибій* давать уроки войны, и что *Діонисій Галикарнаскій* особенно умѣетъ знакомить читателей съ древностями.

Но принаравливаясь къ образцамъ сихъ великихъ учителей въ наше время чувствуемъ мы бремя тягостнѣйшее того, которое на нихъ лежало. Отъ новѣйшихъ историковъ требуютъ болѣе подробностей, происшедшій достовѣрнѣйшихъ, точнаго означенія времени, доказательствъ самыхъ сильныхъ, — болѣе вниманія къ законамъ, обычаямъ, нравамъ, торговлѣ, государственнымъ доходамъ, земледѣлію,

народонаселенію. Съ *исторіею* послѣдовало то же, что съ Математикою и Физикою: поприще ея чрезмѣрно увеличилось. И сколь легко теперь составлять газетны, столь же трудно писать *исторію*.

Требуется, что бы *исторія* Государства иностраннаго не была составлена такъ, какъ *исторія* отечественная. Ежели пишете *исторію* Франціи, то вамъ не нужно описывать теченія Сены и Лоары; но ежели описываете завоеванія Португальцовъ въ Азіи, тогда необходимо подробное описаніе вновь открытыхъ странъ: отъ васъ хотять, что бы вы читателя вели за собою вдоль Африки и по берегамъ Персіи, Индіи; отъ васъ жауть подробностей о нравахъ, о законахъ и обыкновеніяхъ сихъ новыхъ для Европы народовъ.

Мы имѣемъ десятка два *исторій* о поселеніи Португальцовъ въ Индіи; однако ни одна изъ нихъ не описываетъ намъ образа тамошнихъ правленій, тамошнихъ вѣрь, древностей, Браминъ, послѣдователей Св. Іоанна, Гвевровъ, Банганъ.

Ежели вамъ нечего болѣе сказать, какъ только то. — что на берегахъ Окса и Таксарта одинъ варваръ наследовалъ другому варвару; въ такомъ случаѣ чѣмъ вы будете полезны для общества?

Способъ наиболѣе приличный отечественной *исторіи* не годится для описанія открытій новаго свѣта. О какомъ нибудь городкѣ не надобно такъ писать, какъ о какомъ нибудь обширномъ Государствѣ; и частную исторію какого нибудь Принца не должно писать такъ, какъ бы написали вы *исторію* Франціи или Англіи.

Правила сіи довольно извѣстны; но искусство хорошо писать *исторію* всегда будетъ очень рѣдкимъ. Почти всякой знаетъ, — что для *исторіи* попребенъ слогъ важный, чистый, разнообразный, приятный; но съ законами писать *исторію* происходитъ тоже, что и съ законами всѣхъ другихъ искусствъ: множество правилъ, но мало великихъ писателей.

Съ Франц. Исаковъ.

Сраженіе при Термопилахъ.

(Историческій отрывокъ.)

(Изъ Бартелеми.)

Измѣнники, ушедшіе изъ Ксерксова станана, ночью увѣдомляютъ Леонида о намѣреніи Персовъ; и на другой день поутру стража, бывшая на высотѣ горы, возвѣщаетъ о успѣхѣ ихъ. При сей ужасной вѣсти собираются Греческіе полководцы; и между тѣмъ какъ одни намѣреваются оставить, другіе защищать Термопилы,— Леонидъ умоляетъ ихъ пощадить себя для счастливейшихъ временъ, говоритъ: что касается до меня и моихъ товарищей, то мы не дерзнемъ оставить постъ, ввѣренный намъ Спартою. Гречіане клянутся не отставать отъ Спартанцевъ; четвереста Фивянъ—иные охотно, другіе по неволѣ къ нимъ присоединяются: прочее войско успѣваетъ выйти изъ ущелій.

Между тѣмъ сей вождь готовится къ отважнѣйшему предпріятію. „Не здѣсь, говоритъ онъ, не здѣсь должны мы сражаться; нападёмъ на Ксеркса въ собственномъ его станѣ и тамъ побѣдимъ его

или сами погибнемъ.“ Воины отвѣщаютъ радостными восклицаніями. Онъ предлагаетъ имъ умѣренный обѣдъ говоря: „Мы скоро будемъ обѣдать у Плутона.“ Слова сіи глубоко напечатлѣваются въ сердцахъ каждого. Готовый напасть на неприятеля онъ прогаается жребіемъ двухъ Спартанцевъ, соединенныхъ съ нимъ родствомъ и дружбою: одного посылаетъ онъ съ письмомъ, другаго съ тайнымъ препорученіемъ къ Лакедемонскому правительству. Но сіи отвѣчаютъ, *Мы здѣсь не для разности приказаній, но для того чтобы сражаться*—и не ожидая отвѣста становаются въ свои ряды.

Въ самую полночь Греки, подъ предводительствомъ Леонида, выходятъ изъ ущелій, приближаются скорыми шагами къ равнинѣ, опрокидываютъ передовые посты, достигаютъ палатки Ксеркса — уже обратившагося въ бѣгство, разсыпаются по всему стану, и пресыщаются сѣчею. Ужасъ ими вдыхаемый умножается съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ мгновеніемъ; смятеніе и вопль возвѣщаютъ истребленіе войскъ Гидарнеса, угрожаютъ

тѣмъ же всему войску отъ соединенныхъ силъ Греціи. Отважнѣйшіе изъ Персовъ — оглушаемые всеобщимъ крикомъ, не слыша приказаній вождей своихъ, не зная куда направить шаги и удары, — на удачу бросаются въ толпу; но поражаютъ другъ друга и при первыхъ лучахъ солнца видятъ передъ собою малое число побѣдителей. Они послѣдно устрояются и со всѣхъ сторонъ наступаютъ на Грековъ. Леонидъ падаетъ подъ градомъ стрѣлъ — и честь овладѣть его тѣломъ возжигаетъ страшную сѣчу между его товарищами и воинственнѣйшими изъ Персовъ. Два брата Ксерксовы, множество Персовъ и большая часть Спартанцевъ при семъ погибаютъ.

Наконецъ Греки, сколь ни были истощены и ослаблены своею потерей, уносятъ вождя своего, четырехкратно принуждаютъ непріятеля отступать; достигши ущелій, переходятъ валы, и разполагаются на холмѣ близъ Антелы. Они еще нѣсколько минутъ защищаются противъ войска ихъ преслѣдующаго и

противъ Гидарнеса, зашедшаго съ другой стороны ущельй.

Синценныя мѣни! память ваша переживетъ имперію Персовъ, коимъ вы сопротивлялись; примѣръ вашъ до скончанія времени не престанетъ одушевлять сердца любящаго ошечество.

Еще до окончанія дѣла нѣсколько Фивянъ, какъ полагають, сдались Персамъ. Феспіане равно подвизались и имѣли одинаковую участь со Спартакцами: но послѣдніе зашмили своею славою первыхъ. Между причинами, дѣйствовавшими на общее мнѣніе, должно замѣтить, — что рѣшительное намѣреніе погибнуть при Термопилахъ предпринято и выполнено Спартакцами съ одинаковымъ равнодушіемъ, какъ и твердостію; между тѣмъ какъ тоже самое въ Феспіанахъ было минушнымъ порывомъ мужества и доблести возбужденныхъ примѣромъ. Феспіане превзошли другихъ людей потому только, что Спартакцы превзошли себя самихъ.

Лакедемонъ гордится потерей своихъ воиновъ; все напоминающее намъ о немъ,

трогательно. Когда Спартанцы были при Термопилахъ, одинъ Трахинянинъ желая дать высокое мнѣніе о Ксерсовомъ войскѣ сказалъ: что стрѣлами его можно заимить солнце. *Тѣмъ лучше*, отвѣчалъ Спартанецъ Діенекесъ, *мы сразились въ тѣни*. Другой, посланный Леонидомъ въ Лакедемонъ, былъ задержанъ главною болѣзнію въ мѣстечкѣ Алпенѣ; ему говорятъ, что отрядъ Гидарнеса спустившись съ горы проходить ущеліе; услыша сіе онъ хватаетъ оружіе, велитъ невольнику вести себя къ неприятелю, бросается на него и получаетъ желанную смерть. Двое другихъ бывшіе въ отсутствіи по приказанію полководца, по возвращеніи своемъ были подозрѣваемы въ томъ, что не употребили всѣхъ усилій поспѣть къ сраженію. Сомнѣніе сіе покрыло ихъ безчестіемъ, отъ котораго одинъ лишилъ себя жизни; а другой не имѣя инаго средства, какъ потерять оную спустя нѣсколько времени въ сраженіи при Платеѣ.

Усердіе Леонида и его сподвижниковъ сильнѣе подѣйствовало, нежели самая блистательная побѣда. Оно показало Грекамъ

тайну ихъ силы, а Персамъ открыло ихъ слабость. Ксерксъ утраченный мыслію, что при великомъ числѣ народа имѣлъ столь мало воиновъ,—не менѣе ужаснулся, узнавъ что Греція заключаетъ въ себѣ множество защитниковъ столь же неустрашимыхъ, какъ и Феспіяне; и восемь тысячъ Спаршанцевъ столько же храбрыхъ какъ и тѣ, кои при семъ погибли. Съ другой стороны удивленіе, возбужденное сими послѣдними въ Грекахъ, вскорѣ превратилось въ пламенное желаніе подражать имъ. Стремленіе къ славѣ, любви къ отечеству, всѣ добродѣтели были доведены до высочайшей степени — и души получили великость дотолѣ неизвѣстную.

Вотъ время великихъ дѣяній! И такого времени не должно избирать для покоренія свободныхъ народовъ!

Александра Каменская.

ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

Природа южной Америки.

(Изъ Ласеледа.)

Въ странахъ полуденной Америки, природа болѣе дѣятельна: съ вершинъ высокихъ горъ Кордильерскихъ, катитъ она великими волнами широкія рѣки, коихъ воды свободно разливаясь наводняють вдали новыя поля,—гдѣ рука человѣческая печенію ихъ никогда еще не ставила преградъ; на иловатыхъ берегахъ сихъ быстрыхъ рѣкъ возвышаются древнѣе, обширныя лѣса. Теплая, живительная влажность ихъ напаяющая — есть неизсякаемый источникъ непрестанно обновляющейся зелени сихъ густыхъ лѣсовъ, являющей образъ безпредѣльнаго обилія и плодотворящую природу во всемъ цвѣтѣ юности. Не одни только прозябаемая растутъ среди сихъ обширныхъ пустынь,—природа своимъ великимъ произведеніямъ дала разнообразіе, движеніе и жизнь: въ ожиданіи, пока человекъ придетъ владыче-

ствовать надъ сими лѣсами, они остающ-
ся удѣломъ многихъ животныхъ; изъ коихъ
одни красотою своею чешуи, яркостію
цвѣтовъ, живостію движеній, скоростію
бѣга,— другія лоскомъ перьевъ, прияпне-
стію наряда, быстротою полета, а всѣ
разнообразіемъ формъ — неизмѣримымъ
спранамъ новаго свѣта даютъ видъ вели-
колѣпной картины, оживленнаго зрѣлища
столь же многообразнаго какъ и обширнаго.
Съ одной стороны — съ шумомъ каплются
величественныя воды; съ другой — пѣня-
щіяся волны свергаются съ трескомъ съ
высокихъ скалъ и въ парахъ, на подобіе
вихря крутящихся, отражаютъ въ дали
ослѣпительные лучи солнца; здѣсь пестро-
та цвѣтовъ мѣшается съ яркостію зе-
лени, но потемняется еще ярчайшимъ
блескомъ разноцвѣтной одежды птицъ.
Тамъ цвѣты болѣе живые, отливаемые пѣ-
лами болѣе гладкими, составляютъ убран-
ство огромныхъ четвероногихъ и боль-
шихъ ящерицъ, — коихъ съ удивленіемъ ви-
дишь на вершинахъ деревьевъ, гдѣ онѣ раздѣ-
ляютъ жилище съ обитателями воздуха.

Глафира Шумлянская.

Гомеръ, вѣрный списатель природы.

Многіе изъ новыхъ путешественниковъ разныхъ странъ, а болѣе всего ученые и художники сопутствовавшіе Г. Шуазель-Гуфье во время его посольства въ Турцію, были поражены Гомеровою точностію въ описаніи Трояды и Греческихъ острововъ. Они нашли: что долина, гдѣ нѣкогда стояла Троя, не перемѣнила своего вида; и что въ битвахъ, воспѣтыхъ въ Иліадѣ, положенія мѣстъ описаны весьма вѣрно: мысы, рѣки, долины, холмы, даже самыя гробницы Героевъ представлялись очамъ наблюдателей на томъ почно мѣстѣ, на которомъ Гомеръ оныя показываетъ; а самыя внимательныя изслѣдованія доказали, что сей величайшій поэтъ былъ столь же умный историкъ и вѣрный землеописатель. Почти всѣмъ извѣстно отличающееся равномерно изящнымъ вкусомъ и ученостію сочиненіе о семъ предмѣтѣ Г. Лешевалье. Въ удовольствіе читателей мы помѣстимъ изъ онаго то мѣсто, — гдѣ онъ оканчиваетъ

свое описаніе горы Иды, которую — говорятъ сочинитель — Гомеръ изображаетъ съ безпримѣрною точностію, представляя намъ тысячи ручьевъ — текущихъ съ ея вершины и дремучіе лѣса наполненные дикими звѣрями. Это одно изъ такихъ мѣстъ земнаго шара, откуда видишь прелестнѣйшія страны и гдѣ приводишь себѣ на мысль приятнѣйшія воспоминанія.

„О вы, друзья Гомера и живописной природы! придите созерцать со мною возхитительное зрѣлище, открывающееся взорамъ моимъ. Небо чисто; нѣсколько легкихъ и прозрачныхъ облаковъ протянулись по лазурному своду его какъ бы для того, что бы придать ему еще болѣе блеска; заходящее солнце позлащаетъ своими лучами верхи, меня окружающіе. Когда перестая на минушу разсматривать равнины Скамандрскія, то глаза мои отдыхаютъ на спокойныхъ обителяхъ Эракіи и Мисіи. Я вижу Граникъ и Эсепій мелькающіе между лугами и долинами, и несущіе воды свои въ дань Пропонтиду. Въ разстояніи сорока миль, подъ небоскломъ Эгейскаго моря, различаю горы Эра-

кѣйска и вершину Аѳонскую, — гдѣ Юнона
отдыхаетъ нисходя съ Олимпа. Вижу
островъ Лемнось, гдѣ избралъ себѣ жили-
ще Сонь братъ Смерти; вижу Самоѳракію,
отколѣ Нептунъ узрѣлъ Иду и флотъ го-
рода Трои. Ближе ко мнѣ — острова
Имвросъ и Тенедось, — гдѣ сей же богъ
оставилъ колесницу и коней своихъ, по-
спѣшая на помощь къ Троянцамъ. Нако-
нецъ я примѣчаю остроконечныя верьхи
Гаргары, гдѣ и поднесъ еще распутья ша-
франъ и гіанціи, — какъ въ то время,
когда Юпитерь, сокрывъ Юнону въ зла-
томъ облакѣ, спокойно усяуль въ ея объ-
ятіяхъ (1).

Съ Франц. Орестъ Соловъ.

Пляски нынѣшнихъ Грековъ.

Можно видѣть изъ писемъ о Греціи
Гг. Гюйса и Савари, какимъ образомъ
древніе обычаи сохранились въ обря-
дахъ и празднествахъ нынѣшнихъ Гре-
ковъ. Сей умный и чувствительный

1) Иліады Пѣснь xjjj и xjv.

народъ, находясь въ крайнемъ уничиженіи подъ игомъ Турецкимъ, изстребилъ даже изъ памяти и самую славу предковъ своихъ; но болѣе по естественному влеченію, нежели по преданіямъ, еще подражаетъ имъ въ увеселеніяхъ и въ играхъ своихъ. Особенно пляски ихъ напоминаютъ пляски дѣвъ Спаршанскихъ, будучи однакожъ изнѣженнѣе и роскошнѣе оныхъ.

Двадцать молодыхъ дѣвицъ—говорить Савари—одѣтыхъ въ бѣлое развѣвающееся платье, съ заплетенными въ косы волосами вошли въ комнату: онѣ привели съ собою одного юношу, который игралъ на лирѣ и сопровождалъ игру свою пѣніемъ. Многія изъ сихъ дѣвицъ имѣли весьма приятныя лица; на всѣхъ блистала свѣжесть, а нѣкоторые изъ нихъ были рѣдкой красотою. Всѣ вообще составляли очаровательное зрѣлище: однообразное убранство сихъ Нимфъ, скромность возвышавшая ихъ прелести, стыдливость напечатлѣнная на ихъ челахъ, веселость ихъ, умѣряемая музыкальнымъ разиѣромъ — все сіе за-

ставляло меня думатьъ, что я перенесенъ на островъ Калипсы. Онѣ начали становиться въ кружокъ — и пригласили меня плясать съ ними. Составленный нами кругъ единственъ по своему сплетенію: танцовщикъ не подаетъ рукъ тѣмъ двумъ особамъ, которыя стоятъ по обѣимъ сторонамъ подлѣ него, — а двумъ за ними слѣдующимъ такимъ образомъ, что руки его находятся спереди и сзади его сосѣдокъ, опутанныхъ кольцами сей приятной цѣпи Въ срединѣ круга стоялъ музыкантъ; онъ игралъ и вмѣстѣ пѣлъ. Каждая танцовщица съ точностію слѣдовала музыкальной мѣрѣ по приближаясь, по отдаляясь, по оборачиваясь вокругъ него. Что до меня касается, то я далъ свободу водить себя и мысли мои не столько были заняты пляскою, сколько лицами ее производившими.“

Г. Саварй списалъ съ натуры сію прелестную картину въ Казосѣ, одномъ изъ самыхъ дикихъ и бѣднѣйшихъ острововъ Архипелажскихъ. Спустя послѣ того нѣсколько дней — его пригласили на небольшой праздникъ, на которомъ

пировали прибытіе одной изъ тамошнихъ барокъ со съѣстными припасами и плодами. Зала наполнилась танцовщицами, у коихъ волосы были намазаны благовонными маслами; онѣ нарядились въ самые лучшіе корсеты, съ прекрасно вышитыми поясами и въ бѣлыя длинныя платья. Тотчасъ составилось нѣсколько круговъ, съ переплешенными по обыкновенію руками. Двѣ лиры и пѣсельники, помѣщенные на нѣкоторомъ возвышеніи, одушевляли движенія пляшущихъ; веселость сіяла въ глазахъ каждого. Молодые люди, возвратившіеся изъ путешествія, спали подлѣ своихъ подругъ и любезныхъ; они обнимали ихъ въ танцахъ своими руками, чувствовали бѣеніе сердецъ ихъ; радость была написана на всѣхъ лицахъ: молодыя Гречанки, потупивъ глаза свои, старались какъ можно меньше оную показывать; но румянецъ ихъ ланитъ и шрепешаніе груди возвѣщали, — что онѣ находяпся близъ тѣхъ, кои для нихъ всего милѣе; — и каждое движеніе было ихъ наслажденіемъ. Наши иску-

ственные танцы несравненно болѣе имѣютъ въ себѣ ловкости, зашѣливости и даже величія; но сколь они холодны въ сравненіи съ круговыми плясками острова Казоса!

Съ Франц. Орестъ Соловь.

*Взглядъ на Норвегію и островъ
Исландію.*

Норвегія покрыта горами, хопя не столь высокими, какъ Альпійскія и Пиринейскія; но придающими ей повсюду весьма живописный видъ. Растущіе по нимъ необозримые еловые боры доставляютъ мачты и строевой лѣсъ почти всей Европѣ; и цѣлую половину года сіи высокія деревья какъ бы возносяшся до небесъ въ видѣ столповъ и пирамидъ изъ снѣга. Исландскія огнедышущія горы представляють собою зрѣлище, которое еще болѣе поражаетъ воображеніе. Природа вздумала повторить на сихъ оледенѣлыхъ утѣсахъ тѣ ужасныя явленія, которыя мы видимъ на злчныхъ берегахъ Сициліи.

Здѣсь Этна возноситъ чело свое подъ
имянемъ Геклы — не съ тѣми прелестными
долинами, кои служатъ ей основаніемъ
въ окрестностяхъ Катаны, — не съ тѣми
пышными каштановыми лѣсами, кои по-
крываютъ ея чресла; но — съ ея верши-
ною усыпанною пепломъ и снѣгомъ, съ
обширнымъ ея жерломъ часто извергаю-
щимъ огонь и лаву. Харибда несравненно
менѣе опасна, нежели извѣстная пучина
Мальштремъ находящаяся ближе къ Нор-
вегій чѣмъ къ Исландіи, — не подалеку отъ
малаго острова Лаффодень: она по-
глощаетъ китовъ, а иногда и самые кораб-
ли. „Наконецъ, говоритъ одинъ славный
путешествователь по Севѣру, всѣ любо-
пытнѣйшія природы явленія, разсѣянные по
земному шару, какъ будто бы скоплены и
соединены въ Исландіи. Стихій всѣхъ тѣль и
самыя противуположныя причины являющ-
ся тамъ въ безпрерывномъ противобор-
ствѣ, въ безпрерывномъ упражненіи; и
дѣйствіями своими превышаютъ все то,
что разстроенное воображеніе можетъ
изобрѣсть къ устрашенію человѣка.
Многія сопки нерѣдко изрыгаютъ моря

лавы съ густымъ дымомъ. Островъ усы-
 янъ ихъ ошашками, накопленными за нѣ-
 сколько вѣковъ; а огромныя скалы, цѣ-
 лыя горы кажутся безпорядочно однѣ на
 другія взгроможденными отъ дѣйствія ужа-
 сныхъ сихъ изверженій и отъ землетрясе-
 ній, которыя предшествоуютъ имъ и ихъ
 сопровождаютъ. Безмѣрныя груды льдовъ
 представляющіяся взору то ослѣпляя зри-
 теля взобравшагося на ихъ вершину, то
 показывая только сѣроватый и землистый
 отсвѣтокъ облекающій ихъ породу. Изъ
 нѣдръ сего края, покрываго инеями, вы-
 шекаютъ безчисленные сѣрные и кипучіе
 источники, — которые иногда съ урчаніемъ
 вымешиваются изъ долинъ и холмовъ и бро-
 саются отвѣсно вверхъ на чрезвычайную
 высоту; иногда же текутъ безъ шума съ
 вершины горъ и промываютъ узкія и глу-
 бокія рытвины въ вѣчныхъ снѣгахъ, оныя
 сокрывающихъ. Повсюду видимы неизмѣ-
 римыя пропасти и правильныя купы
 столповъ изъ базальта. Отторгшіеся отъ
 полюса лдяные острова, на коихъ стран-
 ствуютъ стада бѣлыхъ медвѣдей, ударя-
 ются о севѣрную сторону Исландіи и у-

жасными ударами отрывають съ пре-
скомъ скалы далеко выдавшихся мысовъ,
скрываютъ отъ глазъ островки; и потомъ
сцѣпляясь около берега осаждаютъ своими
блестящими громадами въ продолженіи нѣ-
сколькихъ мѣсяцевъ страну сію на великое
разстояніе, разсѣвая по оной вмѣстѣ съ
хищными звѣрями ими нанесенными не-
стерпимый хладъ и голодъ. Иногда сосны
и другія смолистыя деревья, носимыя во
множествѣ волнами, загораются отъ пре-
нїя лдяныхъ глыбъ сталкивающихся ме-
ду собою; огонь и дымъ отъ сего произ-
ходящіе заставляютъ думать просто-
душныхъ жителей той страны, что са-
мыя льдины имѣютъ свойство возгораться.
Часто шюлени, киты и разныя китовыхъ
породъ огромныя животныя — обитающія
преимущественно въ севѣрныхъ моряхъ —
бываютъ разтираемы и задушаемы отъ вза-
имнаго столкновенія плавающихъ льдовъ;
и трупы ихъ выбрасываемы на берегъ ста-
новятся для жителей слабымъ возмезді-
емъ за бѣдствїя, произведенныя тою же
самою причиною, — кошорая доставляетъ
имъ оное. Почти не проходитъ ночи безъ

того, что бы сѣверное сїянїе не освѣщало сихъ необыкновенныхъ явленїй — которыми оно придаетъ яркимъ своимъ блескомъ еще болѣе ужаса и величїя. Оно рѣдко представляетъ, подобно какъ въ лежащихъ ближе къ полудню странахъ Европы, красноватый и недвижимый небосклонъ; а обыкновенно перемѣняетъ цвѣты свои то въ палевый, то въ зеленый, то въ пламенно-багряный — иногда волнообразные, иногда протянутые браздами. Другія воздушныя явленїя, не меньше удивительныя, тамъ случаются также часто: отраженїе лучей показывается зрѣнїю два и при солнца въ одно время; часто замѣчаютъ круги около мѣсяца — и обманутый глазъ видитъ отдаленные острова, холмы и селенїя въ положенїи гораздо возвышеннѣйшемъ, нежели какъ они суть въ самомъ дѣлѣ. Кромѣ блудящихъ огней, падающихъ звѣздъ и другихъ сего рода явленїй — нерѣдко видимы бывають огненные шары летающїе по воздуху и мерцанїя отъ опваливающихся глыбъ снѣга. Иногда, во время порывистыхъ вихрей, небо и земля кажутся пламенными; однако же громъ изрѣдка только бы-

ваешь слышимъ: по западные и югозапад-
ные вѣтры поднимающъ черный volcani-
ческій прахъ — зашмѣвающій на часъ или
на два нѣкоторыя части острова, кои
во мновеніе ока покрываются симъ без-
плоднымъ пепломъ. Годовыя времена шамъ
весьма непостоянны и погода чрезвычай-
но перемѣнчива. Часто зимою ртуть за-
мерзаетъ, а лѣтомъ термометръ показы-
ваетъ отъ 103 до 104 степеней теплоты
(по Фаренгейтову термометру), — какой
жаръ весьма великъ даже и для Париж-
ской широты. Часто въ концѣ Іюня
ночью морозить такъ, что рѣки покры-
ваются льдомъ; а днемъ прежде или послѣ
сего мороза термометръ показывалъ за
70 степеней теплоты. Не должно оста-
вить безъ вниманія и того, — что намагни-
ченная стрѣлка измѣняется на большей
части горъ Исландскихъ, что она не
имѣетъ уже опредѣленнаго направленія
и что Сѣверное сіяніе производитъ надъ
нею тоже самое дѣйствіе.“

(*Voyage d' Olafsen en Islande 1772.*)

Съ Франц. Орестъ Соловьѣ.